

З. П. НИКУЛИНА
Немерово

О НЕКОТОРЫХ ФАКТОРАХ, ВЛИЯЮЩИХ НА ВЫБОР ПРОЗВИЩА

В обиходно-разговорной речи, особенно в говорах современного русского языка, для именования лиц широко используются прозвища, что определяет вполне закономерный интерес ономастов к изучению их функционирования. Функциональный аспект исследования представлен статьями В. А. Флоровской и П. Т. Поротникова¹. В их работах рассматривается как состав прозвищных именований и способность прозвища сочетаться в речи с другими антропонимическими компонентами, так и специфика функционирования индивидуальных прозвищ в речи взрослых и детей в зависимости от наличия или отсутствия именуемого при разговоре, выявляется обусловленность норм употребления прозвищ мотивированностью и характером их экспрессии. На наш взгляд, актуален и такой аспект изучения прозвищ, как выяснение факторов, влияющих в акте коммуникации на выбор прозвища из ряда предоставленных языком возможностей именования.

Как показывают наблюдения, возможность выбора прозвища для личного именования создается целым рядом как лингвистических, так и экстралингвистических моментов. Некоторые из них рассматриваются в настоящей статье.

1. Функциональные особенности прозвища. Различные типы антропонимов, идентифицируя, индивидуализируют объект, но индивидуализируют в разной степени и по-разному. Способность антропонимической единицы дифференцировать именуемых зависит во многом от конкретной исторически сложившейся антропонимической ситуации в данном социальном поле. Абсолютную различительную силу имеют неповторяющиеся именования — они закреплены за одним и только одним определенным лицом. Повторяющиеся именования, обслуживающие несколько

¹ Флоровская В. А. Из наблюдений над употреблением антропонимов в бытовом и официальном общении. — В сб.: Очерки по лексике и фразеологии. Ростов н/Д, 1974; Поротников П. Т. Нормы употребления фамильных и прозвищных наименований в речи жителей Талицкого района Свердловской области. — В сб.: Говоры Урала и Западной Сибири. Нижний Тагил, 1972.

лиц «теряют свой различительный смысл»², их возможности для выполнения различительной функции в речи ограничены.

Наибольшими различительными возможностями по сравнению с прочими антропонимами обладают прозвища: они не задаются списком, не подчиняются моде, как имена, а свободно создаются на базе лексического состава родного языка и сохраняют свое постоянное разнообразие. Прозвища строго индивидуализированы, в пределах одного социального поля они редко повторяются. Случаи прозвищной тезоименности в пределах одного социального поля единичны. Для различения тезок к прозвищу подключаются добавочные определения или личные имена: «Отца *Рыжий* зовут, а его *Маленький Рыжий*, чтоб не спутать. *Волосы рыжие, конопатый*» (Попер.)³. Иногда тезоименность исключается использованием в качестве прозвища разных дериватов от одной и той же лексической основы. Например, в с. Кубитет Тяжинского района два прозвища образованы от одной лексической основы, но одно из них употребляется в «словарной», а другое — в уменьшительно-ласкательной форме: *Щука* и *Щучка*. Так же: *Воробей* и *Воробышек* (Тис. Тис.), *Карась* и *Карасик* (Крек. Топк.), *Утка* и *Утёнок* (Арин. Л.-Кузн.), *Хомяк* и *Хомячок* (Солом. Яшк.)

В живых народных именованиях постоянно обнаруживается настоятельная потребность, индивидуализируя, выразить и отношение к именуемому, дать ему оценку. Так, в русском неофициальном антропонимиконе значителен пласт так называемых оценочных личных имен, дающих возможность говорящему выразить разнообразные оттенки отношения к называемому лицу: в именах *Ванечка*, *Ванюша*, *Ванька*, *Ванёк* может быть выражено соответственно ласкательное, уважительно-ласкательное, неуважительное, ироническое отношение.

Прозвища, выполняя как особый класс антропонимов, наряду с индивидуализирующей, также и характеризующую функцию, имеют в этом плане большие возможности. Для них, как отмечает А. В. Суперанская, «существенно важно отражать свойства именуемого объекта»⁴. Прозвища характеризуют лицо 1) по внутренним, психическим особенностям (*Букня* «смотрит на всех исподлобья, неразговорчивый», *Черкес* «вспыльчивый, горячий», *Добрыня* «очень добрый, отзывчивый»), 2) по внешним, наружным признакам (*Солнышко* «рыжеволосый», *Жареная* «все лицо в морщинах», *Сват Коромысло*, *Горбатонич* «горбатый»), 3) по деятельности (*Партизан* «в военных играх всегда бывает партизаном», *Поэтесса* «пишет стихи», 4) по особенно-

² Карпенко М. В. Особенности антропонимии русских сел Одесской области. — В сб.: Питания ономастики Південної України. Київ, 1974, с. 153.

³ В тексте статьи в скобках первым указывается название населенного пункта, вторым — название района. Например: Попер. Юрг. — с. Поперечное Юргинского района Кемеровской области.

⁴ Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973, с. 274.

стям речи (*Пулемёт* «быстро говорит», *Батюшка* «низкий голос») и др. В прозвищах, как видно из приведенных примеров, не только отмечаются отличительные качества, свойства лица, но и дается их положительная или отрицательная оценка.

Указанные функциональные особенности прозвищ создают широкие возможности использования их для личного именования в акте коммуникации.

Во-первых, прозвища употребляются в речи как надежный способ различения лиц, у которых совпадают лично-именные формы именования. В д. Уроп два Агеевых Ивана, их только в глаза зовут по имени и отчеству — Иван Семенович и Иван Куприянович, а между собой односельчане первого называют *Свят Коромысло* (или *Горбатонич*), а второго — *Ваня-Кутя*. Говоря о ком-либо из Агеевых Анн (их две), непременно к имени добавляют отантропонимическое прозвище на *-иха* — *Нюра Карманиха* (у мужа прозвище *Карман*), *Нюра Серёжиха* (муж *Сергей* — *Серёжа*).

Во-вторых, в условиях тезоименности, когда в речи возникает необходимость уточнения личности человека при помощи особых дополнительных именований, прозвища, отличающиеся от других антропонимов «симметричностью», хорошо удовлетворяют потребности индивидуализации в небольшом коллективе — семье, доме, селе, круге лиц, связанных дружбой, профессиональными интересами и т. п. Приведем примеры подобных ситуаций в конкретных речевых актах.

Из разговора школьников: — У Вовки, говорят, мотоцикл угнали. — У Мальцева что ли? — Да нет, у *Варвара*; — Скажи там Сизову в интернате: пусть завтра принесет книгу. — Какому Сизову? Сашке? — Ну, *Коту*.

Из разговора взрослых: — Гришка Агеев дом строит. — Это который же? — А *Мустафы*; — У Гриши Агеева телка-двухлетка пропала. — У *Мустафы*? — Нет, у *Кармана*.

Из приведенных диалогов ясно, что в коллективах, к которым принадлежат участники общения, есть тезки — два Вовки, один из которых Мальцев, два Сизовых, два Григория Агеевых, поэтому лично-именные формы воспринимаются как недостаточные. Для уточнения личности человека, о котором идет речь, требуется дополнительная информация. В приведенных ситуациях говорящим пришлось прибегнуть к прозвищам.

У В-третьих, прозвища часто используются в ситуациях, когда необходимо охарактеризовать личность, дать ей оценку, выразить свое отношение в более яркой форме, чем это позволяют сделать другие типы антропонимов: «Вот, *Областной*, это тебе не в Кемерове, чуть твою избушку снегом всю не засыпало» (Камыш. Мар.); «Чего глаза выпучила, *Улитка*? — А тебе что? (Солн. Л.-Кузн.); «Опять тебя *Гестапо* вызывает» (Анж.).

2. Эмоционально-экспрессивная отмеченность прозвища. В современных прозвищах, как считают некоторые исследова-

тели, усиливается оценочный элемент⁵. Однако по степени эмоционально-экспрессивной выразительности прозвища неоднородны. Сравните, к примеру, прозвища, данные по одному и тому же признаку — за ношение очков: *Очкарик*, *Профессор*, *Зоркий Сокол*, *Четырёхглазая*, а также отфамильные и оценочно-характеристические прозвища: *Ширя* (от Широков), *Белая* (от *Бельская*) и *Лодыриха* («ленивая она баба, в доме грязь у ей завсегда»), *Однолопастный* («одна рука у него, в шутку дразнят так»).

Обращает на себя внимание двойственный характер эмоционально-экспрессивной отмеченности прозвища. Принадлежа к разговорному пласту диалектной лексики, прозвища уже обладают, на наш взгляд, объективной экспрессией, положительной или отрицательной. Однако отношение к прозвищу именуемого может расходиться с характером эмоционально-экспрессивной окраски его в структуре ономастикона. Например, в прозвище *Бич* объективирована отрицательная оценка личности («его в классе все боятся»). Субъективная же экспрессия прозвища положительна: К. Иванов на вопрос анкеты «Как ты относишься к прозвищу?» — пишет: «Горжусь».

Экспрессивность одного и того же прозвища может иметь разную направленность (положительную или отрицательную) в зависимости от социальной среды. Так, обычные для именования женщин прозвища на *-иха* для девочек-школьниц, как правило, нежелательны. Кроме того, со временем возможна утрата образности, экспрессивности, оценочная функция как бы поглощается номинативной, прозвище, повторяясь в обычных повседневных ситуациях, становится привычным, изменяется характер его субъективной экспрессии. Примеры из наших материалов: Болдин А. (*Балда*): «дрался, обзывался сам за то, что меня так называют, потом привык»; Марчук Л. (*Кулёма*): «обижалась и дралась, но не помогло. Сейчас привыкла»; Казаков С. (*Протезник*): «привык». Некоторые настолько привыкают к прозвищу, что сами себя иногда называют по прозвищу: «Люба, а *Советской* письмо сегодня есть?», «Люба, а почему посылку *Сибиряку* назад вернули?» (Камыш. Мар.).

Прозвища в зависимости от отношения именуемого приобретают экспрессию субъективную, вследствие чего часть прозвищ создает иллюзию стилистической нейтральности, а часть из них воспринимается как эмоционально-экспрессивная группа. Однако далеко не всегда и не любое прозвище эмоционально-экспрессивной группы воспринимается как «обзыв». Прозвища, дающие положительную оценку внешним и внутренним качествам человека, не считаются, как правило, оскорбительными, к ним относятся спокойно, отзываясь на них, как на имена. Обычно не вызывают отрицательной оценки именуемого и отфамиль-

⁵ Сими́на Г. Я. Фамилия и прозвище. — В сб.: Ономастика. М., 1969, с. 33.

ные прозвища, лишённые по своей природе внутренней формы. Прозвища же, дающие негативную характеристику или содержащие указание на физические недостатки, часто бывают причиной резко отрицательной реакции. Нежелательными оказываются и отфамильные дериваты, омонимичные оценочно-характеристическим прозвищам с отрицательной эмоционально-экспрессивной окраской (*Мартышка* от *Мартынюк*, *Разутый* от *Разуваев*, *Обрубок* от *Недорезов*), а также прозвища со вторым рифмующимся компонентом типа *Иван-болван* (от *Иванов*), *Стёпка-растрёпка* (от *Степанова*), мнимая отрицательная экспрессия которых усиливается за счёт несоответствия прозвища объекту.

У 3. Характер речевой ситуации. Устная речь тесно связана с ситуацией говорения, т. е. с той обстановкой, с теми условиями, в которых осуществляется общение. Речевые ситуации определяют стиль сообщения, нацеливая говорящего на употребление тех или иных форм личного именования.

Функционирование прозвищ ограничено сферой неофициальных ситуаций, варьирующихся «в зависимости от характера местных условий, от свойств лиц, в них участвующих, от специфических неповторимых экстралингвистических компонентов, дополняющих эти ситуации каждый раз особым образом»⁶. Число ситуаций практически бесконечно, причем каждая из них неисчерпаема в своих деталях. Большей силой воздействия, по нашим наблюдениям, отличаются такие компоненты внеязыковой ситуации, как отношения между говорящими и обстановка речи.

Общение, как известно, будучи по своему существу глубоко социальным процессом, личностно ориентировано⁷. Это проявляется, в частности, в том, что говорящий в своем речевом поведении учитывает отношения между коммуникантами. Изменение характера отношений официальные/неофициальные — фактор, существенно влияющий на выбор антропонимической единицы для именования: официальные отношения исключают использование прозвища, неофициальные отношения допускают употребление различных форм личного именования, в том числе и прозвища. Однако употребление некоторых групп эмоционально-экспрессивных прозвищ обусловлено типом неофициальных отношений. Например, при равных приятельских отношениях, в кругу друзей или товарищей используются «положительные» прозвища. При недоброжелательных отношениях между участниками общения или же в ситуациях разрыва приятельских отношений, в ссоре, часто используются «обидные» прозвища, ср.: «Когда обозлятся, так говорят *Писарь*. Так-то вообще *Николай Иванович* или *дядя Коля*, а так и в глаза и за глаза, когда

⁶ Суперанская А. В. Общая теория имени собственного, с. 233.

⁷ Леонтьев А. А. Проблемы и методы психолингвистики в межличностном общении. — В сб.: Психология. Алма-Ата, 1974.

обозлятся»; «Когда обижусь на нее, дак скажу *Зыря* в глаза прямо»; «Когда плохо говорю о ней, иногда и *Людкой* назову, а так *Зырька*, конечно» (Ст.-Черв. Кем.).

Прозвища используются для личного именования чаще всего в симметричных ситуациях общения, «участники которых имеют одинаковые социальные признаки: равное социальное положение в обществе, равное образование, примерно одинаковый возраст, один и тот же пол»⁸. В связи с этим норма диалектной речи, например, не допускает обращения по прозвищу младших к старшим.

Для выбора формы именования релевантными оказываются и некоторые элементы обстановки речи. Присутствие посторонних «снимает» неофициальность отношений между говорящими, накладывает ограничение на использование прозвищ. Действенным оказывается и такой фактор, как наличие или отсутствие в акте коммуникации именуемого. Для иллюстрации приведем примеры именования Лазаревой Ф. в ее присутствии и после того, как она ушла из магазина:

— «*Федосья*, а ты когда успела очередь занять? Только что воду носила и уже в магазин пришла».

— «*Синегубка* всегда в первых рядах» (Камыш. Мар.).

Итак, на выбор прозвища влияют как его лингвистические особенности, так и внеязыковые факторы: одно-однозначное отношение между прозвищем и денотатом, наличие в семантике его оценочно-характеристического элемента, отношение именуемого к прозвищу, характер ситуации общения. В реальном речевом процессе эти факторы не разделены, они нередко сталкиваются и перекрещиваются, влияние их избирательно. Перечисленные факторы не есть непременно условие реализации прозвища, наличие их лишь предоставляет возможность выбора прозвища для именования, но не определяет выбор между прозвищем и какой-либо другой антропонимической единицей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Анж.	— Анжеро-Судженск	Попер.	— Поперечное
Арин.	— Ариничево	Солом.	— Соломатово
Камыш.	— Камышинка	Солн.	— Солнечный
Кем.	— Кемеровский район	Ст.-Черв.	— Старочервово
Крек.	— Крёково	Тис.	— Тисуль
Л.-Кузн.	— Ленинск-Кузнецкий район	Топк.	— Топкинский район
Мар.	— Мариинский район	Юрг.	— Юргинский район
		Яшк.	— Яшкинский район

⁸ Крысин Л. П. Язык и социальное поведение человека.— Дошкольное воспитание. М., 1975, № 6, с. 75.